

Сила воли или сила
обстоятельств?
Луи Антуан Сен-Жюст
и архетипы
мировоззрения
революционера

Мария Уварова

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и географии зарубежных стран Московского государственного лингвистического университета.
Адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, 36.
E-mail: uvarovamaria82@gmail.com.

Ключевые слова: Французская революция; террор; монтаньяры; революционное мышление; диктатура справедливости.

В статье рассматривается проблема архетипов сознания революционера. Французская революция стала явлением не только социально-политического,

Французская революция — явление не только политического, но и идейно-нравственного порядка. Великий переворот пронизал все сферы жизни общества — от принципов управления государством до сознания масс и индивидов. Сформировался как новый род социальных отношений, так и новый тип человека Франции и Европы в целом. Но на каких основаниях он возникал и кто мог быть его моральным ориентиром? Поиск ответа на этот вопрос дает повод обратиться к героям революции, но не к их политическим программам, а к картинам мира: к револю-

но и нравственного и идеологического порядка; она сформировала новый тип человека с новым образом мышления. В качестве примера такого мышления взят Луи Антуан Сен-Жюст, один из выдающихся деятелей эпохи террора. Ранее в историографии он не рассматривался как архетип революционера — и отечественная, и французская исторические школы предпочитали сосредоточиться на его политической идеологии, которая на самом деле представляет собой всего лишь переосмысление парадигмы Просвещения. Однако автор полагает, что гораздо более продуктивным и далекоидущим с точки зрения историко-философского анализа будет изучение именно феномена зарождения революционного мышления, формирования психологического типа революционера на основе примера Сен-Жюста.

Этот архетип может быть распространен и на деятелей революции последующих эпох — не случайно в одном из разделов статьи автор проводит сравне-

ние идей и риторики Сен-Жюста и знаменитого «Катехизиса революционера» Сергея Нечаева. В выступлениях и трактатах Сен-Жюста отражены нравственные ориентиры революционера, его представления о личных и социальных добродетелях и идеалах, его проект нового общества, в котором ведущая роль отводилась личностным качествам индивида, оказывающим воздействие на его политическое поведение. Особенностью мышления революционера является поляризация мира, его деление на врага республики и верного гражданина, отрицание компромисса и нацеленность на будущее. Отмечены такие стереотипы революционной логики, как создание и пропаганда образа врага, понятие о диктатуре справедливости, особое понимание снисходительности не как акта милосердия, а как преступления, цель которого — оправдание врага республики. Сен-Жюст сформировал ясный и прагматичный план переустройства общества и обозначил поведенческие и нравственные черты индивида, которые должны доминировать в этом обществе.

ционеру не как руководителю общественного движения, а как социально-психологическому архетипу.

Почему героем данной работы мы избрали именно Луи Антуана Сен-Жюста? Его жизнь и деятельность, сам его образ всегда романтизировались историографами и беллетристами¹ и отчасти послужили моделью революционера-фанатика — юного, обладающего невероятной энергией, прошедшего короткий и яркий жизненный путь. Действительно, за свои неполные двадцать семь лет Сен-Жюст сделал удивительно быструю и успешную карьеру, прославился как оратор, мыслитель, публичный поли-

1. Подробнее об этом см.: *Филимонова М. А.* Сен-Жюст как архетип революционера в европейской культуре // *Культура. Образование. Человек* / Под ред. А. В. Репринцева. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2003. С. 423–433. Здесь Сен-Жюст рассматривается как архетип многих литературных героев, чья деятельность так или иначе была связана с революцией, — вплоть до «Бесов» Достоевского. См. также: *Abensour M.* Saint-Just and the Problem of Heroism in the French Revolution // *The French Revolution and the Birth of Modernity* / F. Ferenc (ed.). Berkeley: University of California Press, 1990.

тик. Очевидно, что у этого человека были эффективная программа и весьма жизнеспособная на тот момент риторика, нашедшие ключ к сердцам современников, очаровавшие даже соперников и заставившие задуматься историков.

Сен-Жюст стал воплощением революции, самой радикальной, жестокой и при этом мистически-величественной ее стадии — террора. Он принадлежал к первому поколению революционеров — к фанатикам, которые приводят в действие ее механизм. Он оставался до конца убежденным в своей правоте и, можно сказать, принял смерть за свою цель, ведь именно он оказался в числе жертв антиякобинского заговора 9 термидора 1794 года. Сен-Жюст не предал идеи ради самосохранения, не стал сотрудничать с новой политической системой, не показал себя конформистом в отличие от таких деятелей, как Поль Баррас и Жозеф Фуше, которые находили себе доходные места при любых режимах, служили и революции, и контрреволюции, руководствуясь исключительно расчетом. Он, бесспорно, создал один из ярчайших образов революции, которому позднее нашлись многочисленные подражатели. Этот архетип распространился широко — и на культуру, и на политику, и на общественную мысль. Поэтому неизбежно возникает соблазн разобраться в политическом мире, языке и этике революционера на примере Сен-Жюста.

Творческое наследие Сен-Жюста невелико и по объему сильно уступает сочинениям таких его соратников, как Жан-Поль Марат и Максимилиан Робеспьер. Отчасти по этой причине историки Французской революции не уделяли ему столь пристального внимания как мыслителю и склонны были сосредоточиваться на его практической деятельности в качестве одного из руководителей монтаньяров. Тем не менее работы Сен-Жюста известны, неоднократно переиздавались во Франции и переводились на русский язык².

В настоящей статье мы не будем затрагивать юношеские сочинения Сен-Жюста предреволюционного периода (например, поэму «Органт», в которой автор не только осмеял старый порядок, но и выразил предчувствия грядущих великих перемен), а также ранний политический трактат «Дух революции и конституции во Франции», который является по сути переработкой взглядов философов Просвещения Жан-Жака Руссо и Шарля

2. См.: *Saint-Just L. A. Oeuvres complètes*. P.: Charpentier et Fasquelle, 1908. V. 1–2; *Idem. Discours et rapports*. P.: Editions sociales, 1956; *Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты*. СПб.: Наука, 1995.

Луи де Монтескьё. Мы рассмотрим произведения и речи зрелого политического периода Сен-Жюста (1792–1794). Именно там можно обнаружить «словарь» революционера и оформившиеся стереотипы его мышления.

Революция 1789 года явилась не просто низвержением монарха — это было уничтожение и обращение в хаос всей социальной системы и нравственных ценностей, складывавшихся в течение более десяти веков. В мышлении Сен-Жюста отразились все стороны этого переворота, сформировав в его сознании определенные архетипы нового общества, нового человека и методов государственного и общественного переустройства. Можно сказать, в этом и состоял его кодекс, его «Катехизис революционера», аналогии с которым в случае Сен-Жюста трудно избежать. Рассмотрение «катехизиса» Сен-Жюста позволит также взглянуть на террор как на явление не только политическое (на чем делался упор в классических работах Франсуа Фюре и Патриса Генифе³), но и как на феномен сознания, некий нравственный ориентир политика.

Французская историография обратилась к Сен-Жюсту достаточно рано, еще в середине XIX века, когда началось активное переосмысление революции под влиянием событий периода реставрации, установления июльской монархии, новой революции 1848 года и т. д. Историки сосредоточивались на освещении политического пути Сен-Жюста, стремясь к максимальной осторожности и нейтральности оценок. Немало было написано о его миссии в Рейнскую армию, которая, по их мнению, привела к коренному перелому в ходе войны революционной Франции с абсолютистской Европой. Считалось, что успехи Сен-Жюста как практика были гораздо более значительными и оригинальными, чем его философия⁴.

3. См.: *Furet F.* Penser la révolution française. P.: Gallimard, 1978; *Генифе П.* Французская революция и террор // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 68–87.
4. См.: *Aegerter E.* La vie de Saint-Just. P.: Gallimard, 1929; *Deroches P.* Saint-Just, ses idées politiques et sociales. P.: Editions sociales internationales, 1937; *Hamel E.* Histoire de Saint-Just, député à la Convention nationale. P.: Poulet-Malassis et de Broise, 1859; *Fleury E.* Saint-Just et la terreur. P.: Didier, 1852; *Furet F., Ozouf M.* Dictionnaire critique de la révolution française. P.: Flammarion, 1988; *Gross J. P.* Saint-Just: sa politique et ses missions. P.: Bibliothèque nationale, 1976; *Kermina F.* Saint-Just. La révolution aux mains d'un jeune homme. P.: Perrin, 1982; *Ollivier A.* Saint-Just et la force des choses. P.: Gallimard, 1954; *Soboul A.* Portraits de revolu-

Историки XX века во главе с Альбером Собулем явно стремились реабилитировать Сен-Жюста, привлечь к нему внимание как к недооцененному деятелю, чьи мысли и поступки некогда ошибочно трактовались исключительно в рамках идей террора и насилия. Работы таких исследователей, как Франсуа Фюре, Патрис Генифе и Бронислав Бачко⁵, затрагивают проблему террора и связанной с ним деятельности Сен-Жюста, однако лишь поверхностно обращаются к вопросу о «языке» террора. Для них террор прежде всего политический и социальный инструмент, но не система идей. Особо отметим работу Мигеля Абенсура⁶, где «героизм» революционера рассматривается в качестве не этической составляющей, но средства максимально быстрого и прагматичного насаждения новых общественных порядков. Здесь автор отталкивается от взглядов Сен-Жюста на переустройство общества, основанных на идеалах Руссо.

Англо-американская историография также сфокусировала внимание на проблеме становления Сен-Жюста как политика, но обошла стороной сам психологический тип такого рода. Большинство работ грешат попытками не просто оправдать героя, но придать ему возвышенный образ мученика революции. Впрочем, историки справедливо сходятся в том, что на фанатично преданных своему делу людях революция как раз и держалась, что именно они проложили дорогу всем свободам, плодами которых Франция и большинство европейских обществ пользуются до сих пор⁷.

Отечественная историография обратилась к деятельности Сен-Жюста в контексте постижения террора несколько позднее. Среди дореволюционных работ стоит отметить небольшую заметку «О Сен-Жюсте» Николая Ивановича Кареева⁸. В ней поднимается вопрос о революционной этике, которая, как считает автор, определяется диктатурой справедливости и сча-

tionnaires. P.: Messidor, 1986; *Vinot B. Saint-Just*. P.: Grand livre du mois, 2002; *Генифе П.* Указ. соч.

5. См.: *Бачко Б.* Как выйти из террора? Термидор и революция. М.: Baltrus, 2006.
6. См.: *Abensour M. Saint-Just and the Problem of Heroism in the French Revolution // The French Revolution and the Birth of Modernity / F.Ferenc (ed.). Berkeley: University of California Press, 1990.*
7. См.: *Bruun G. Saint-Just, Apostle of the Terror*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin, 1932; *Curtis E. N. Saint-Just, Colleague of Robespierre*. N.Y.: Octagon Books, 1973; *Hampson N. Saint-Just*. Oxford: Basil Blackwell, 1991; *Morton J. B. Saint-Just*. L.: Longmans, 1939.
8. См.: *Кареев Н. И.* О Сен-Жюсте // Исторические этюды о французской революции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998.

ства — стремлением насильственно привить обществу представления революционера о нравственности, об идеальном человеке и гражданине. К сожалению, серьезного углубленного анализа заметка не представляет, хотя в ней и заявлено стремление исследовать психологический тип революционера.

Советская историография изображала революцию в марксистском контексте смены формаций от феодальной к буржуазной и оценивала ее как величайший перелом, при этом указывая на ее зависимость от буржуазно-капиталистических классовых интересов. Аналогичные упреки в «буржуазности» получил и Сен-Жюст; историки восхищались его волей и силой, с которыми он разрушил старый порядок, но отмечали его «буржуазную ограниченность»⁹. Внимание в данном случае уделялось в основном социалистическим мотивам в деятельности и идеях Сен-Жюста.

Современная российская историография расширила подход к исследованию личности и политической судьбы революционера. В ней уже заметен интерес к революционному мировоззрению, а не только к политической истории и переосмыслению Сен-Жюстом философии Просвещения. Историки начали задаваться вопросом о формировании в его лице нового психологического типа политика с определенным языком и набором нравственных ориентиров¹⁰.

9. См.: *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст, его революционная деятельность и идеология. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1955; *Загер Я. М.* Сен-Жюст. Жизнь, деятельность, идеология. Пг.: Госиздат, 1922.
10. См.: *Морицыхина Л. А.* Утопия здравого смысла. «Фрагменты республиканских установлений» Луи Антуана Сен-Жюста // *Опыты историко-антропологических исследований. Сборник научных работ студентов и аспирантов.* 2001. М.: РУДН, 2002; *Плавинская Н. Ю.* Сен-Жюст и Монтескье // *Из истории буржуазных революций Нового времени.* М.: Изд-во Ин-та всеобщей истории АН СССР, 1985; *Пушкарев А. С., Злобин Г. В.* Речи и трактаты Луи Антуана Сен-Жюста как исторический источник для изучения субъективного фактора Великой французской революции // *Проблемы источниковедения всеобщей истории. Ч. 2: Проблемы источниковедения новой и новейшей истории* / Отв. ред. Н. Н. Болгов, А. С. Пушкарев. Белгород: Издательство БелГУ, 2002; *Смирнова Е. В.* Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М.: РГГУ, 2002; *Черноверская Т. А.* Как человек становится революционером: формирование и эволюция мировоззрения Сен-Жюста. Новосибирск: НГУЭУ, 2005; *Она же.* К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста // *Французский ежегодник 1987.* М.: Наука, 1989; *Она же.* Жизнь и деятельность Луи-Антуана Сен-Жюста // *Новая и новейшая история.* 2002. № 6. С. 141–165; *Она же.* Первый опыт осмысления происходящего: «Дух

И все же для современных отечественных авторов Сен-Жюст остается деятелем-прагматиком, эффективно воплотившим в жизнь умозрительные ценности Руссо и Монтескье. Отдельного исследования, целиком посвященного феномену революционного сознания, так и не появилось, хотя в упомянутых работах к этому есть весьма благоприятные предпосылки. Отметим особо уже упоминавшуюся работу «Сен-Жюст как архетип революционера в европейской культуре»¹¹. В ней Сен-Жюст представлен как прототип героев известных художественных произведений о революции. Однако, несмотря на столь яркий и многообещающий заголовок, работа едва затрагивает вопрос непосредственно об архетипах мышления революционера.

Итак, при всем разнообразии историографии, посвященной Сен-Жюсту, ее подход остается достаточно однобоким, сконцентрированным на его социально-политических концепциях и практической деятельности. Нас же интересует революционер как явление не столько социальное, сколько этико-психологическое.

Террор должен себя оправдывать постоянным апеллированием к «врагу» — реальному или чаще всего мифическому. Враг — это та угроза установившемуся политическому строю, борьба с которой должна придать легитимность данному режиму и, следовательно, всем его действиям, пусть и противоречащим заявленным законам и обязательствам. На поиске врага и зиждился террор не только во Франции, но и в предшествующих революциях (в английской, пусть и не столь масштабным и жестоким образом), равно как и практически во всех последующих в новой и новейшей истории. Поэтому остановимся на образе врага в речах и трактатах Сен-Жюста.

Причины и смысл террора прекрасно раскрыты в уже указанной работе Фюре. Террор порожден разрывом между устоявшейся традицией и конструированием нового общества — старое нужно как можно быстрее уничтожить, а новое как можно быстрее насадить, дабы заполнить образовавшуюся пропасть, которая грозит полной потерей ориентиров и анархией. Общество, как правило, не готово принять и понять политические инновации, поэтому для убеждения в своей правоте и справедливости государство прибегает к методам насилия, самым грубым и оче-

революции и конституции во Франции» Луи Антуана Сен-Жюста // Европа: международный альманах. Вып. 2. Тюмень: ТюмГУ, 2002.

11. См.: *Филлимонова М. А.* Указ. соч.

видным. Собственно, слова Сен-Жюста и отразили подобное неприемлимое отрицание прошлого и чужого.

Весьма показательным является выступление Сен-Жюста с обвинением против главного врага республики и революции — арестованного Людовика XVI (первая речь о суде над королем, произнесенная в Национальном Конвенте 13 ноября 1792 года):

Единственной целью комитета было убедить вас, что короля надлежит судить как простого гражданина; я же утверждаю, что короля следует судить как врага, что мы должны не столько судить его, сколько поразить¹².

Немыслимо, чтобы

...преступника, принадлежащего к самому последнему разряду людей, разряду угнетателей, превратили в мученика, в жертву собственной гордыни¹³.

На раннем этапе республики для Сен-Жюста враг — это враг словесный, представитель привилегированной, неприкосновенной прежде касты, которая заслуживает особо суровой расправы и недостойна гражданского статуса. Он призывает к скорейшей и жестокой расправе над королем, пренебрегая средствами и даже обходя законы, ведь убийцам Цезаря законом была свобода Рима, а ныне, добавляет оратор, «с чрезвычайной почтительностью вершат суд над убийцей народа, застигнутым на месте преступления!..»

«Невозможно царствовать и не быть виновным»¹⁴ — здесь оратор подразумевает не столько традиционный для конституционной монархии (локковско-руссоистский) принцип ответственности государя перед народом, сколько преступление перед нацией правителя, поправшего ее свободы. В ранний период республики враг в понимании Сен-Жюста — это угнетатель свобод. Террор еще не наступил, борьба за свободы еще не вошла в фазу масштабного искоренения любой политической альтернативы.

Следующее за судом над королем громкое событие — это арест жирондистов в июле 1793 года. И тут Сен-Жюст заходит дальше, обрушиваясь уже не на преступление главы государства, а на вероломство самих народных избранников, клявшихся в верности республике. Начинается чистка внутри сообщества револю-

12. *Сен-Жюст Л. А.* Указ. соч. С. 10.

13. Там же. С. 11.

14. Там же. С. 13.

ционеров, Сатурн уже пожирает собственных детей. Бросаются в глаза не обвинения в злоупотреблении властными полномочиями, а подозрительность самого оратора, идея заговора как оправдание расправы с противником, тенденция к поиску предателей среди «своих». Враг смещается с верхов в низы; враг — среди нас, он носит маску добропорядочного республиканца:

Они не были дерзостными врагами свободы, они говорили на языке свободы, они казались, как и вы, ее защитниками...¹⁵

Если король виновен в том, что он — король, воспитанный в традициях безнаказанности и сакральной неограниченности власти, то жирондисты в речи Сен-Жюста виновны в лицемерии и хитрости, а следовательно, представляют собой даже бóльшую опасность:

Эта [партия]... умело обращала в свою пользу воодушевление, господствовавшее в наших прениях; отождествляла бездействие с миром и порядком; республиканский дух с анархией... шла в ногу с народом и свободой, чтобы привести их к своим целям...¹⁶

В ход идет обвинение в злоупотреблении и превратном толковании республиканских свобод. Обозначается явное движение к однопартийности и ликвидации идейного плюрализма в Конвенте, к монополизации монтаньярами политических процессов. Очевидно также, что враг — это тот, кто умело манипулирует самыми чистыми и возвышенными лозунгами, правами и свободами революции в корыстных целях; тот, кто использует свободы как трамплин для продвижения и успеха.

Тучи сгущаются осенью 1793 года — это заметно в речи «О революционном порядке управления». Там уже громко звучат призывы к расправе над врагами народа — отметим, что именно с речи о жирондистах Сен-Жюст прибегает к употреблению термина «враг народа», — и обосновывается необходимость жестких чисток в рядах всех подозреваемых. Искоренение врага оправдывает любые средства:

Вы не должны больше щадить врагов нового порядка вещей; свобода должна победить какой угодно ценой¹⁷.

15. Там же. С. 74.

16. Там же. С. 75.

17. Там же. С. 94.

Враги — это отныне не только «изменники», но и «равнодушные», «те, кто остается бездейственным в Республике и ничего не делает для нее». Враг уже опасен не действием, а безразличием к судьбе отечества. Следовательно, потенциальный враг — внутри каждого из преданных республике граждан. Это уже скорее набор пороков, нежели конкретные заговорщики или узурпатор: равнодушные — главный из этих грехов. Потому в данный момент, пока юная республика охвачена сомнениями, а нравственные качества и твердость духа ее граждан столь неустойчивы, она должна признать жестокость в качестве единственного средства борьбы с врагом:

...было бы отрадно управлять согласно принципам мира и естественной справедливости: эти принципы хороши в отношении друзей свободы, но меж народом и его врагом не может быть ничего общего, кроме меча¹⁸.

Проявление пощады к врагам — это в условиях революции и борьбы за свободу целой нации является не благородством, «не добродетелью, а слабостью»¹⁹. Лишь беспощадность может показать врагу силу, твердость духа, способность отстаивать свои интересы.

На тот момент Франция находилась в разгаре борьбы со странами антифранцузской коалиции, являвшимися (кроме Англии) абсолютистскими монархиями, в силу чего война с ними позиционировалась Конвентом как священная, война свободного народа против угнетателей всего континента. Соответственно, противнику (как военно-стратегическому, так и идеологическому) приписывались пороки, символизировавшие его принадлежность к нации угнетателей:

...французская нация внушает страх своим пылом, своей стремительностью, а ее противники неповоротливы, равнодушны и медлительны... Если французскую нацию в этой войне воодушевляют сильные и благородные страсти, любовь к свободе, ненависть к тирании и угнетению... [то] ее противники, напротив, являются наемными рабами, бесстрастными автоматами...²⁰

В такой обстановке Сен-Жюст инициировал принятие ряда законов против иностранцев, в частности англичан, направленных

18. Там же.

19. Там же. С. 105.

20. Там же. С. 100.

на искоренение шпионов и всех, сотрудничающих с державами коалиции. Смысл пропаганды был прост: иностранцы через своих шпионов подстрекают французский народ к внутренней вражде, вынуждают Конвент и Комитет общественного спасения быть жестокими. Таким образом, террор представлен как вынужденная мера, комитет всего лишь адекватно отвечает на вероломство противника, а не сам по себе является злодеем (речь о «Законе против англичан» от октября 1793 года):

Внушить страх — такова была наша очередная задача, но она относилась только к негодьям. Между тем, следуя точно разработанному плану, стремясь нейтрализовать наши меры, сделав их более жестокими, они добивались всеми средствами, чтобы террор, предназначенный только для врагов народа, распространился на сам народ²¹.

В речи «О фракциях, направляемых из-за границы» от 13 марта 1794 года Сен-Жюст с еще большей определенностью и откровенностью обвиняет иностранные державы в подрыве деятельности республики:

В Республике зреет заговор, замышляемый за границей, которая стремится путем разложения помешать установлению свободы... Заграница разлагает всех и вся²².

Во всех неудачах молодой республики (а они неизбежны, учитывая незрелость и неопытность нации в делах демократии) обвиняется заговорщическая деятельность. Согласно риторике Сен-Жюста, народ Франции готов принять республику, все сомнения в ее необходимости происходят от зарубежной пропаганды; француз даже не может допустить мысли о разочаровании в республике, ибо он ее и создал, однако враг-иностранец пытается разрушить его убежденность. Всякая антиреспубликанская деятельность приписывалась сотрудничеству с иностранцами — например, в обвинительной речи против Дантона от 31 марта 1794 года Сен-Жюст считает его снисходительность и попытку оспорить закон против англичан следствием не его искренней в этом убежденности, а сотрудничества с агентами английского правительства²³.

Еще один элемент «вражества» и часто встречающееся в словаре Сен-Жюста понятие — это фракционность: видение угрозы

21. Там же. С. 104.

22. Там же. С. 120.

23. Там же. С. 150.

в политическом плюрализме. Республика выживет только единой идеологией, единой партией, с помощью максимальной централизации и сплочения. В речи «О фракциях, направляемых из-за границы» (13 марта 1794 года) он заявляет:

...пришло время вернуть в небытие врагов народа... их цель — создать партии, вооружить одних граждан против других и в разгар междоусобиц восстановить трон²⁴.

Современная демократия — это плюрализм и многопартийность, битва мнений, но в понимании Сен-Жюста на раннем этапе республики ей необходимы жесткая дисциплина и отсутствие разногласий, прений, вызывающих сомнения и отвлекающих граждан от единой цели. В республике зрелой и опытной партии займут свое законное и необходимое место, дабы регулировать диалог между различными социальными силами и группами, но едва родившаяся республика погибнет под градом мнений и споров.

Фракции — это орудие для осуществления корыстных целей их лидерами, которые не отражают интересы народа, а делают политическую карьеру, прикрывшись личиной защиты республики:

...функционеры, встающие между народом и национальным представительством, чтобы утеснять обоих... фракции — последняя надежда тирании; их источник в обычных страстях человека, в стремлении обратить к своей личной выгоде приобретенную репутацию... зависть... порождает фракции²⁵.

Политик должен отречься от всего личного и следовать только общественным интересам. Любопытно было бы отметить в данных заявлениях явную склонность к прямой демократии без партий-посредников — то, что впоследствии развил и воплотил Наполеон Бонапарт и что стало одним из столпов системы «управляемой демократии».

Итак, республике грозит наибольшая опасность не от внутренних распри и террора, а от внешнего врага, стремящегося ее разрушить. Именно он сеет сомнения в души граждан-республиканцев. Обвинение во всех неудачах республики врага отныне становится языком официальной пропаганды, а речи Сен-

24. Там же. С. 120.

25. Там же. С. 124, 137, 278.

Жюста в Конвенте уверенно можно назвать пропагандистскими, направленными на создание определенных мнений и стереотипов среди масс. Подобная тактика вполне объяснима: страна терпела военные поражения, оказавшись в кольце неприязни со стороны всей Европы, народ и армия нуждались в подъеме боевого духа. Собственно, Сен-Жюст формирует и подробно разъясняет все составляющие образа врага отечества с целью научить народ распознавать его и вселить в него отвращение к качествам и деятельности противника — это ли не откровенно пропагандистская риторика?

Враг, о котором говорит Сен-Жюст, не является вымышленным, ибо все события, связанные с войной Англии и прочих участников коалиции против Франции, действительно имели место; проблема не в извращении фактов (оратор как раз оперирует самыми достоверными данными) и даже не в толковании действий врага, а в том, какими чертами мировоззрения и поведения Сен-Жюст его наделяет и какими методами призывает с ним бороться. В любом случае сущность подобной парадигмы — разделение общества на «своих» и «чужих»: тех, кто следует за революцией, и тех, кто против нее и, следовательно, подлежит уничтожению. Мышление в категориях «мы» и «они» стало «новой системой, позднее распространившейся на все области политики и идеологии»²⁶.

Формирование образа врага подводит исследователя к еще одному соображению, основанному на выдвинутых Сен-Жюстом принципах: каким он представлял себе террор и, главное, в чем цель и смысл террора, чем он оправдан?

Историки террора, как уже было указано, достаточно едины во мнении о нем: террор возникает как средство максимально быстрой ликвидации старых порядков и внедрения новых, террор заполняет социальный и психологический разрыв между эпохами²⁷. Несомненно, что и ситуация, в которой оказалась Франция начиная с 1793 года, требовала максимальной концентрации усилий по сохранению в стране порядка и сплоченности: восстание в Вандее — по сути гражданская война; война внешняя — с роялистами и странами антифранцузской коалиции; необходимость сражаться на нескольких фронтах — реальном

26. Смирнова Е. В. Указ. соч. С. 100.

27. См.: Furet F. *Op. cit.*; Генифе П. Указ. соч.; Бачко Б. Указ. соч.; Олар А. Политическая история французской революции. М.: Издание С. Скимунта, 1902.

и идейном, имевшем дело с поддержанием в народе революционного энтузиазма и веры в справедливость молодой республики.

Однако, по Сен-Жюсту, у террора существовала не только четко определенная цель, но и свои компоненты и основания. На деле, как мы увидим, само слово «террор» Сен-Жюст употребляет не так уж часто, он заменяет его другими. Насилие для него — это «тирания» и «угнетение», то есть принципы абсолютизма, которые должны вызывать у народа ненависть, ибо ассоциируются (вернее сказать, были ассоциированы самими деятелями революции) с монархией. Понятно, что с республикой насилие не должно связываться. Применительно к ней речь пойдет, скорее, о доминировании неких социально-нравственных добродетелей.

На раннем этапе республики Сен-Жюст не выдвигает конкретной программы и выражается достаточно образно, еще сохраняя некоторые юношеские идеалистические представления. Из речи «О конституции Франции», произнесенной 24 апреля 1793 года:

Вообще порядок не может быть результатом действий, навязываемых силой. Поддается упорядочению лишь то, что происходит само собой, подчиняясь внутренней гармонии. Силой следует устранять лишь то, что чуждо этой гармонии²⁸.

Здесь же он озвучивает явно заимствованную у Монтескье мысль о том, что законы должны соответствовать духу населения, что невозможно искусственно подстроить народ под них. Он еще верит в природную склонность человека к демократическому устройству в духе Руссо. Однако вскоре станет понятно, что естественные принципы нарушаются их неизбежными врагами. На этом этапе стоит перейти к действиям жестким и решительным.

Так, уже осенью 1793 года, после ареста жирондистов и превращения Конвента в однопартийный по сути рупор монтаньяров, Сен-Жюст произносит речь «О революционном порядке управления», где заявляет, что

...республика будет упрочена лишь тогда, когда воля суверена подчинит монархическое меньшинство и обретет власть над ним по праву завоевателя²⁹.

28. *Сен-Жюст Л. А.* Указ. соч. С. 42–43.

29. Там же. С. 93–94.

Сувереном выступает, разумеется, орган народного представительства — Конвент и надзирающий за соблюдением законов Комитет общественного спасения. Народ уже должен воспользоваться своим правом победителя — *vae victis*, можно было бы сказать. Кроме того, появляются основания ужесточения политики из практических соображений — слабость управления республикой вызывает брожения и сомнения, разлагает единство и уверенность народа в победе революции. Соответственно, возникает необходимость наказания:

Поскольку бездеятельность в управлении была причиной ряда отступлений, устанавливаются точные сроки приведения в исполнение законов и мер общественного спасения; нарушение этих сроков карается как покушение на свободу³⁰.

Действительно, риторика Сен-Жюста меняется, приобретает карательное направление, что было неизбежно, а с тактической точки зрения вполне оправданно в условиях тотальной войны (гражданской и внешней), в которую оказалась втянута страна, и потрясения в массовом сознании, когда в считанные недели была низложена монархия и установлена республика — не так-то просто это сделать в государстве, веками жившем в традициях монархии и божественного права короля. При слабом управлении такое положение вызовет тотальное общественное разочарование и раздор, ибо нация останется без направляющей идеи и руководства.

Поэтому республика может выжить в данный момент только с помощью определенных мер насилия. «Насилие», разумеется, употребляется Сен-Жюстом в том же негативном контексте, что и «тирания», то есть применительно к абсолютизму. Карательные добродетели республики определяются им как «суровость», «жестокость», «сила» — они выступают если не как безупречные, то уж точно как необходимые меры. Они возвышаются, облагораживаются в устах оратора именно потому, что служат республике и народному счастью, поэтому очищаются от всех традиционно присущих им ассоциаций с насилием:

Если находится человек, безразличный к нашим несчастьям и развращенный до такой степени, что способен оскорбиться нашей суровостью, значит, у него нет никакого представления о нашей республике, для установления которой требуется мужество... Нам потребуются жестокость и сила, чтобы

30. Там же. С. 102.

одолеть столь коварного противника... Когда в республике, соседствующей с тираниями, возникают волнения, ей необходимы суровые законы...³¹

Основой республики, продолжает Сен-Жюст, «может быть только непоколебимая суровость»³². Жестокость и суровость уже явно переходят в разряд добродетелей революции, лишняя раз их облагораживают мужество и сила:

Сила не есть ни разум, ни право. Но, вероятно, без нее нельзя обойтись, чтобы заставить уважать и разум, и право³³.

Такова, по всей видимости, одна из задач и сущностей террора.

Более того, в один ряд с террором ставятся добродетели Просвещения — разум и справедливость. Вот еще одно оправдание жестоких мер. «Содержание под стражей связано с прогрессом разума и справедливости»³⁴, — утверждает Сен-Жюст в речи «О лицах, содержащихся в тюрьмах», произнесенной 26 февраля 1794 года, как раз на пике террора. Кстати, в этой речи впервые появляется само понятие «террор», но, разумеется, не равное «тирании». Тирания — это беззаконие и узурпаторская власть меньшинства над бесправным большинством, в то время как террор — это система наказаний меньшинства с помощью большинства, обоснованная законами и осуществляемая во благо последнего:

В отношении к мятежному меньшинству мы перешли от презрения к недоверию, от недоверия к примерам, от примеров к террору. От содержания под стражей зависит гибель или торжество наших врагов...³⁵

Именно в данной речи Сен-Жюст употребляет термин «диктатура справедливости», исчерпывающе характеризующий цели и средства террора. Закон необходим для существования республики, порядок — для защиты республики от врагов внутренних и внешних. Террор подчиняет личные интересы граждан общественному благу и единой цели, препятствует их раздроблению и превращению в индивидуальные корыстные проекты. Таким образом, террор — это средство мобилизации коллектив-

31. Там же. С. 107, 110.

32. Там же. С. 112.

33. Там же. С. 288.

34. Там же. С. 109.

35. Там же.

ной воли нации, рычаг сплочения граждан перед общей опасностью, необходимый для «оздоровления» общества, пережившего потрясение от быстрой смены политического строя, общества с еще хрупкими институтами и потому неуверенного, сомневающегося, едва способного отстоять свои интересы и противостоять врагам.

При монархии существует только одно правительство; в республике сверх того имеются установления либо для того, чтобы воздействовать на нравы, либо для того, чтобы воспрепятствовать извращению законов и развращению людей... И поскольку каждый... понимает свою свободу как независимость в проявлении своих страстей и своей алчности, дух завоевания и эгоизм распространяются среди граждан...³⁶

Этой же цели пресечения раскола служит другой инструмент террора — закон, ибо террор вершится его именем и во имя его, с целью торжества в обществе новых устанавливаемых законов, отрицающих прежний порядок. Закон, как и суровость, един для всех и служит сплочению, ибо он «бесстрастен», следовательно, перед ним все равны:

Законам не присущи страсти, которые порождают рознь и притворство. Законы суровы, люди же не всегда суровы... нужно, чтобы установления поставили силу и непреклонную справедливость законов на место личного влияния³⁷.

Изначально закон мыслился Сен-Жюстом как обязательная составляющая и атрибут свободы. В раннем произведении «Дух революции и конституции во Франции» он понимал свободу как «зависимость от разумных законов»³⁸ и идеалом представлял порядок, при котором «общественный закон объединяет всех извне, что является необходимым и законным»³⁹. На момент 1794 года эти идеи не покинули Сен-Жюста, но эволюционировали вплоть до насильственного подчинения индивидов законам и расправы с теми, кто пренебрег общественным интересом в пользу личного.

Это неудивительно, ведь личный интерес рождает самодостаточность, критику политического режима, угрозу диссидентства.

36. Там же. С. 110.

37. Там же. С. 175, 279.

38. Там же. С. 193.

39. Там же. С. 255.

Следовательно, в индивидуализме уже коренится разложение, внутренний враг. А для борьбы за республиканские ценности необходимо единение действий и мыслей — мыслит уже не индивид, а закон как продукт коллективной воли индивидов и созданный для цельного общества, а не для каждого из них по отдельности.

Та «непоколебимая суровость», о которой говорил Сен-Жюст, — не просто строгость наказания, но также дисциплинированность, единение, коллективное действие, направленное против врага республики, соблюдение закона, верность революционным принципам и готовность их отстаивать.

Постоянная суровость общественных нравов может быть достигнута только посредством действенных установлений⁴⁰.

Это существенный компонент террора. Коллективность, подчинение личного общему — вот одно из оправданий и целей террора, ибо, как мы уже убедились, Сен-Жюст видит корень предательства интересов республики в господстве частных интересов. Соответственно, для укрощения личных страстей и нужна та самая суровость закона и нрава:

Поскольку личный интерес непобедим, то только с помощью меча можно установить свободу народа⁴¹.

Нетерпение, стремление убыстрить процессы, неизбежность насильственных мер — вот революционный план действий, который обусловлен необходимостью постоянного искоренения врагов:

Лучше ускорить ход революции, чем плыть по течению, отдавшись во власть всех тех заговоров, которые чинят препятствия на ее пути⁴².

Промедление и мягкость преступны — они погубят республику. Ее меч должен действовать непрерывно, дабы не дать врагу опомниться и расслабиться, он должен держать народ в постоянной готовности к борьбе, а врагов — в постоянной напряженности и страхе. В конце концов, «смерть — ничто, лишь бы восторжествовала революция»⁴³. Этими словами, произнесенными

40. Там же. С. 117.

41. Там же. С. 114.

42. Там же. С. 118.

43. Там же. С. 154.

всего за три месяца до падения монтаньяров, Сен-Жюст будто предвосхитил собственную кончину: он был казнен, но его смерть не уничтожила идеалов революции — напротив, после термидорианского переворота они подвергаются очищению и возвращению к «дотеррористическим» принципам социального мира.

Так для чего необходим террор?

Принципом республиканского правления является добродетель; если не она, то террор⁴⁴.

Очевидно, что до торжества добродетелей общество еще не созрело. Добродетели мыслятся лишь в будущем. Как верно замечают историки, Сен-Жюст с его политическими и идеологическими проектами был ориентирован на будущее, настоящее мыслилось им как ступень, трамплин, переходный этап к царству закона и справедливости⁴⁵. Поэтому террор был для него трагической необходимостью. Одна из самых знаменитых фраз Сен-Жюста, отражающая сущность режима террора:

Сила обстоятельств, которая приводит нас к результатам, о которых мы и не помышляли.

Террор — это ступень от беззакония и тирании к закону и справедливости. Он всего лишь инструмент наказания врагов и виновных в разложении революционных настроений общества. Террор — не идеология, а средство. Он вытекает из усилий по «приведению в соответствие идеального и реального», имеющих целью «сокрушить все препятствия, которые неизбежно возникают на пути идеального»⁴⁶. Террор в данный момент нужен для максимально прочного установления «добродетели» (подробнее речь о ней пойдет далее), фундаментальной частью которой является уважение закона и отказ в политике от частного в пользу общественного. Террор нужен для мобилизации массового действия, ибо только массово устанавливается народная республика и только диктатура закона, общего для всех, побеждает сомнение и недоверие к революции. Оправданием методов террора в устах Сен-Жюста являлось будущее торжество рес-

44. Там же. С. 288.

45. См.: Бачко Б. Указ. соч. С. 279; Fleury F. Op. cit. P. 241; Черноверская Т.А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста. С. 28; Soboul A. Op. cit. P. 285; Генифе П. Указ. соч. С. 71; Morton J.B. Op. cit. P. IX.

46. Генифе П. Указ. соч. С. 71.

публики — мысль его настолько вдохновенно была устремлена в это будущее, что ради него можно было пожертвовать настоящим и расценить его лишь как неприятный переходный эпизод.

Развивая тезисы о происках врагов революции и необходимости решительных мер по пресечению их действий, Сен-Жюст многократно прибегает к понятию «снисходительность». Оно действительно бросается в глаза и частотой употребления, и той важностью, которой обладает для революционного духа и его программы. Как Сен-Жюст понимает это нравственное качество и почему оно столь значимо в его «словаре»?

Заметим, что смысл понятия снисходительности в идеях Сен-Жюста эволюционирует. В «Духе революции...» он рассуждает в рамках обновленной монархии, теперь уже конституционной, и позиционирует снисходительность как благородство правителя, долженствующего проявлять милосердие к угнетенным: монархия «будет снисходительна, употребляя власть»⁴⁷. Но уже через два года Сен-Жюст придет к тому, что снисходительность со стороны власти тождественна преступлению. За этот период расстановка сил во власти успела резко перемениться: от короля и роялистски ориентированного Учредительного собрания она перешла в руки самой радикально-демократической группы народных представителей — монтаньяров. Теперь снисходительность преступна, она равна слабости и равнодушию к судьбе отечества, отказу от гражданского долга. Оратор переходит к риторике обвинения, обличения. Жалость, сострадание — вот пороки. Республика безжалостна к слабостям, ведь проявить их означает уступить врагу, показать ему свою уязвимость («О жирондистах», июль 1793 года):

Во всяком случае не ждите, что комитет проявит снисходительность к слабости или безрассудству кого бы то ни было... Теперешнее состояние Франции, распад политического организма — все говорит о том, что общественное благо не было достигнуто и что вы не должны никого щадить. Республика не считается ни со слабостями, ни с бесплодными порывами. Все виновны, если отечество несчастливо⁴⁸.

Сен-Жюст развивает мысль, все настойчивее и откровеннее требуя беспощадного отношения к врагу и измене республике («О лицах, содержащихся в тюрьмах», февраль 1794 года):

47. Сен-Жюст Л. А. Указ. соч. С. 201.

48. Там же. С. 74.

Явным признаком измены является жалость к преступлению в республике, основой которой может быть только непоколебимая суровость... В начале революции раздавались голоса, требовавшие снисходительности к тем, кто сражался против нее; эта снисходительность, сохранившая тогда жизнь нескольким преступникам, в дальнейшем привела к гибели двухсот тысяч человек в Вандее... Трудно установить республику, если не осудить со всей беспощадностью все преступления... Вы не имеете права быть милосердными, проявлять сочувствие к изменникам; вы трудитесь не для себя, а для народа⁴⁹.

Становится понятным, что суровость и отсутствие снисходительности — это нравственная и идеологическая защита от врагов: враг чувствителен к снисходительности; следовательно, снисходительность/прощение — это неявное сотрудничество с ним.

Вопиющий пример снисходительности как порока — обвинительная речь против Дантона от 31 марта 1794 года, где Сен-Жюст как раз упрекает его в мягкости по отношению к врагам, называет его «банальный примиритель»⁵⁰:

Ты ко всему приспособлялся... ты грозил им, но без возмущения и с отеческой добротой... разве ты не несешь ответственности за то, что не испытывал ненависти к врагам отечества?⁵¹

Получается, что истинный республиканец должен отказаться от сострадания и компромиссов — сама реальность диктует это: как иначе можно поступить, если отечество находится в кольце врагов? Неприятеля победит не соглашательство, не уступки, а только беспощадность — «жесточка снисходительность, ибо она угрожает отечеству»⁵². Кроме того, снисходительность подрывает способность революционера пожертвовать своей карьерой ради всеобщего равенства и справедливости. Личный интерес в политике — это преступление, ибо государственные дела требуют и подразумевают заботу об общем благе. Граждане строят республику — значит, они не могут поставить себя выше ее:

Виновниками этой порчи нравов являются снисходительные... отечество оказалось принесенным в жертву личным интере-

49. Там же. С. 112–114.

50. Там же. С. 146.

51. Там же. С. 146–147.

52. Там же. С. 152.

сам, тогда как все частные интересы должны быть принесены в жертву⁵³.

Наконец, в разгар «большого террора» — с весны 1794 года — Сен-Жюст громко и оправдывает и узаконивает практику доноительства на всех врагов: это высшая ступень отрицания снисходительности и, более того, попытка искоренения ее в массовом сознании. Именно тогда были изданы законы «О подозрительных» (привлекающие к суду за измену республике даже тех, чья вина не была доказана), хотя Комитет общественного спасения и ранее «кормился» доносами. Предлагается проект постановления Конвента от 13 марта 1794 года:

Каждый гражданин обязан указать на заговорщиков и лиц, объявленных вне закона, если ему станет известно их местопребывание. Каждый, кто станет укрывать их у себя или в ином месте, рассматривается и карается как их сообщник⁵⁴.

Смысл и цель революции лежат в справедливости. В речах Сен-Жюста это одно из наиболее употребляемых слов и, как можно понять из его рассуждений, основа тактики революционера. Именем справедливости он осуществляет свою главнейшую задачу — искореняет врагов:

У меня нет снисхождения к врагам моей страны, я не знаю ничего, кроме справедливости... Правительство, которое вершит справедливость, не становится от этого сильным и угнетающим, ибо оно подавляет лишь зло⁵⁵.

А также внушает гражданам и руководству страны господство интересов общественных над частными целями в делах республики:

Следует быть справедливым; но справедливым в соответствии не с интересом отдельных лиц, а с интересом общественным⁵⁶.

Равенство граждан перед законом подразумевает именно справедливость — беспристрастность судей и политиков, отказ от частных интересов в государственных делах, одинаковые для всех нормы права, возможности и ответственность.

53. Там же. С. 117.

54. Там же. С. 134.

55. Там же. С. 109, 288.

56. Там же.

Равенство граждан не может иметь иных гарантий, кроме неутомимой справедливости власти...⁵⁷

Справедливость для Сен-Жюста — это, с одной стороны, инструмент практического применения принципов гражданско-правового равенства, а с другой — нравственная норма, которая помогает революционеру преодолеть корысть и ощутить моральное превосходство над врагом. Это беспристрастность и отсутствие снисходительности, а враг, как мы уже выяснили, как раз пристрастен и склонен к компромиссам.

Идеи Сен-Жюста о справедливости подводят нас к исследованию еще одного важного аспекта его мировоззрения — понятия о нравах и нравственности, об их социальной роли и о значении моральных качеств индивида для процветания республики. Нравственное общество связано с построением общества будущего. Оно, разумеется, немыслимо без нового человека, очищенного от скверны прежнего режима угнетения. Какими характеристиками должен обладать рожденный революцией человек и каким образом государство должно участвовать в их формировании?

Основанием новой революционной морали является добродетель. Добродетели революционера-политика мы уже определили — это суровость, справедливость, отсутствие снисходительности к врагу, отказ от личной корысти в делах государственных. Что касается личных добродетелей, то Сен-Жюст переводит их из сферы частной в сферу общественную: порочный человек не может быть добрым гражданином, гражданская доблесть определяется личными качествами, без них политические добродетели невозможны. «Республика — это не сенат, это добродетель»⁵⁸, — утверждает оратор. Руководители государства должны подавать обществу пример, должны быть безупречными для избирателя, ибо их задача — не только управлять, но и обучать, просвещать, наставлять, прививать гражданам новые порядки и формировать их нравственный облик. Соответственно, им также должны быть присущи определенные черты:

...умеренность правителя является источником добрых нравов и свободы в государстве; нужно, чтобы хранители ваших законов вели скромный образ жизни, тогда дух и вкусы общества будут порождаться любовью к законам и родине...
Наша цель — создать такой порядок, при котором установи-

57. Там же. С. 307.

58. Там же. С. 113.

лась бы всеобщая склонность к добру... установить честное правительство, которое бы сделало народ счастливым; такое правительство, при котором лишь мудрость и вечное Провидение руководили бы установлением Республики...⁵⁹

Очевидно, что к политической жизни начинают применяться такие нравственные ценности, как добро, мудрость, скромность — они мыслятся как фундамент справедливого общества. Революция, таким образом, помимо политики есть нравственность.

Сен-Жюст ясно формирует цель борьбы за республику:

Революция должна завершиться установлением совершенного счастья⁶⁰.

Счастье для него — это не только социальное блаженство и торжество идеалов революции, но и определенные нравственные и поведенческие черты индивида, некий образ жизни. Каковы составляющие такого счастья человека и гражданина (которые в данном контексте мыслятся совокупно)?

...мы предлагаем вам счастье добродетели и скромного достатка... счастье наслаждаться необходимым и отказываться от излишеств... счастье ненавидеть тиранию, довольствоваться своей хижинкой и плодородным полем, возделанным собственными руками... счастье возвратиться к природе и морали... Именно народ создает республику простотою своих нравов... плут, поле, скромное жилище, свободное от податей, семья, защищенная от вождельний разбойника, — вот счастье⁶¹.

Сен-Жюст имеет в виду счастье крестьянина-собственника или буржуа среднего достатка — в любом случае человека трудящегося, обеспеченного, ни в чем не нуждающегося, но живущего скромно, не знающего излишеств и жажды обогащения, при этом собственника своего труда, своей земли и имущества, которое охраняется справедливыми законами. Это и есть идеалистическая картина общества будущего, стремлением к которому и оправдывался террор. Скромность и удовольствие жить своим трудом — свойства свободного человека, человека республики; стремление же к роскоши присуще «развращенным людям» — тем, кто являлся пособником тирании и угнетения, ибо алчность и вождельение суть пороки, порождаемые тиранией и питающие ее.

59. Там же. С. 46, 114.

60. Там же. С. 290.

61. Там же. С. 126.

Среди добродетелей Сен-Жюст в своем последнем произведении «Республиканские установления» многократно называет следующие качества: воздержанность, отсутствие надменности, стыдливость, чувствительность⁶², «согласие в семьях, дружбу между гражданами; [стремление] поставить общественный интерес на место всех прочих интересов... подавить преступные страсти...»⁶³ Здесь же он предлагает краткий курс достижения безупречных социальных отношений, которые, как явственно следует, происходят из торжества личных добродетелей — в данном случае любви к труду, взаимного уважения, разума и просвещенности:

Если все будут трудиться, возвратится изобилие; потребуются меньше денег; не будет общественных пороков. Если все будут уважать друг друга, не будет больше фракций: частные нравы станут мягкими, нравы общественные — твердыми. Поскольку гражданин обо всем будет судить здраво... [иностранное] влияние, проникнув к нам, не развратит нас...⁶⁴

Становится понятным: идеальный общественный порядок, царство равенства и справедливости наступит только тогда, когда все данные качества пустят корни в сердцах и умах индивидов, а не будут просто пропагандироваться властью. Революцию необходимо «прочувствовать» — недаром Сен-Жюст говорит о «чувствительности» как о важном для гражданина свойстве характера. «Согласие в семье» и «дружба между гражданами» — азы общества; без умения обеспечить мир в семье невозможно обеспечить мир гражданский, без дружбы невозможно партнерство, взаимное уважение и доверие в делах политических.

Недаром Сен-Жюст неоднократно повторяет, что правительство и общество должны быть «нравственными» для обеспечения социальной гармонии и справедливости. А значит, источником нравственности оказываются принимаемые правительством законы:

...установления есть гарантия правительства свободного народа от разложения нравов и гарантия народа и гражданина от разложения правительства... [они] делают нравственным правительство и гражданское состояние... Установления имеют целью поставить принципы нравственности в основание всех действий, поставить влияние нравов на место влияния людей⁶⁵.

62. Там же. С. 127.

63. Там же. С. 277.

64. Там же. С. 291.

65. Там же. С. 277, 278, 280.

Нравственность и ее роль в представлении Сен-Жюста — это борьба с личной корыстью в политике и формирование социально ответственного гражданина на базе индивидуальных добродетелей. Собственно, революционер перечисляет основы личных отношений, которые должны формировать отношения политические и культуру, гражданское общество в целом:

Нравы есть отношения, которые природа установила между людьми; они включают в себя сыновнюю почтительность, любовь и дружбу. Нравы в обществе есть те же отношения...⁶⁶

Нетрудно предположить, что из почтительности проистекает уважение к законам, из любви — сострадание к согражданам, из дружбы — социальная ответственность и навыки коллективного действия.

Добродетели человека-гражданина должны регулироваться и насаждаться руководителями государства. Для нравственности в столь молодом республиканском обществе, как французское, требуются законодательные нормы, вдохновленные добродетелью их создателей и направленные на развитие добродетелей в сердцах граждан; счастье установится тогда, когда «гражданские законы... станут призывать лишь к добросовестности в отношениях между людьми...»⁶⁷ Между строк автора прочитывается та же мысль о «диктатуре справедливости», в данном случае — о «диктатуре нравственности»: государство должно внушать и направлять эту нравственность, взять на себя заботу о моральных ценностях, буквально «диктовать» их гражданам — что, разумеется, невозможно на данном этапе без доли насилия. Поэтому вполне справедливо некоторые исследователи характеризовали политику террора в видении Сен-Жюста как «путь к просвещению, очищению нации», «победу над низменными страстями людей»⁶⁸ и «руководящую нравственную силу»⁶⁹.

Перечисленным добродетелям Сен-Жюст противопоставляет пороки старого порядка, который с помощью несправедливого, репрессивного характера своей власти уничтожал в человеке добродетели и прививал ему пороки:

Тирания путем длительного пагубного воздействия развращает человека и делает его неспособным к добру в собствен-

66. Там же. С. 205.

67. Там же. С. 251.

68. Бачко Б. Указ. соч. С. 279.

69. Fleury E. Op. cit. P. 240–241.

ных глазах. Уничтожьте повсюду тиранию, и вы восстановите мир и добродетель⁷⁰.

А вот пороки тех, кто был взращен тираническим режимом:

...класс людей, которые ничего не делают и не могут обойтись без роскоши и излишеств... кто пребывает во власти скуки, преисполнен безумной жажды наслаждений и отвращением к общественной жизни... кто всегда готов из любопытства сменить одну партию на другую... [кому свойственны] жажда известности и жажда богатства... Развращенные люди наиболее склонны к тирании, ибо, лишённые стремления к добру, они только следуют идейным направлениям сегодняшнего дня... Безразличие — душа тирании, страсть — душа свободы⁷¹.

«Добро» должно подразумевать отсутствие честолюбия, гражданскую эмпатию, трудолюбие, воздержанность и верность своим принципам, постоянство и последовательность идей и действий. Наконец, Сен-Жюст рисует устрашающую картину сугубо гражданских пороков, проистекающих опять же из режима тирании:

...зависть или презрение к власти, которой он не обличен... если каждый воображает, что служит не отечеству, а тому, кто им командует; если тот, кто командует, воображает себя всемогущим, а не отправляющим народное правосудие... если каждый из тех, кто обладает властью, будет считать себя выше гражданина...⁷²

На основе идей Сен-Жюста о смысле гражданских отношений можно было бы сделать вывод о том, что его цель — подавление любого личного интереса, обесценивание индивидуального и подчинение человека общественному благу. Такой вывод, разумеется, был бы заблуждением. В текстах Сен-Жюста мы встречаем как раз противоречащий тезис — о важности свободы личности:

Восстановите в гражданском состоянии почет и уважение к личности... частная жизнь является основой добродетели... [Нужно,] чтобы законы, установленные властью, как можно меньше подчиняли себе отношения домашние и частную жизнь народа... Свобода народа — в его частной жизни...

70. Сен-Жюст Л. А. Указ. соч. С. 46.

71. Там же. С. 127, 128, 168, 191.

72. Там же. С. 288.

Гарантия гражданина от власти должна заключаться в нем самом... Каждый может сам обрести блаженство⁷³.

Последнее утверждение вызывает даже некоторые ассоциации с кальвинистской доктриной об индивидуальном спасении души верующего.

На самом деле противоречие объяснимо тем, что Сен-Жюст достаточно строго разграничивает сферу частную и общественную. В общественной жизни личный интерес имеет негативный оттенок, ибо под ним подразумеваются корысть и честолюбие. Поскольку призвание политика — защищать интересы граждан и руководствоваться лишь общим благом, то персональные мотивы для него — преступление. Борьба с частными интересами в понимании Сен-Жюста — это борьба с фракциями, врагами республики и «снисходительными». Жизнь вне политики должна, напротив, определяться святостью личных прав, свобод и добродетелей — всего того, что возвышает человека, очищает его, дарует ему мир, разум и мудрость, ибо, как мы уже заключили, только нравственный индивид может сформировать достойного гражданина. В данной ситуации подчинение частного общему оказывается, как и террор, вынужденной временной мерой для установления идеальной республики; для ее укрепления необходима сильнейшая коллективная воля народа, мобилизация умов, невероятная сплоченность, которая должна утратить врагов, рассчитывающих расколоть общество.

Чрезвычайно важным для республиканца нравственно-гражданским качеством в понимании Сен-Жюста является любовь к отечеству. В чем сущность патриотической доктрины Сен-Жюста? В революционном сознании понятия «революционер / республиканец» и «патриот» становились идентичны, ибо защита родины есть защита идеалов революции: тому способствовали конкретные исторические события — война Франции против монархической коалиции, которая вторжением в границы страны стремилась уничтожить ее политический строй. Соответственно, равнодушный к судьбе родины человек считался сочувствующим врагам. Любовь к отечеству — это любовь и к идеям революции, ибо они несут в себе бесценные свободы и блага для индивида. Отечество может быть только там, где торжествуют законы, равенство, права гражданские и личные, где человек ощущает себя счастливым и защищенным:

73. Там же. С. 153, 215, 277, 289.

Где нет законов, там нет и отечества; вот почему народы, живущие под ярмом деспотизма, вовсе не имеют отечества; они разве что презирают и ненавидят другие нации... Однако бывает подлинное отечество, которое является гордостью свободы и добродетели; это из его лона выходят люди, у которых любовь к законам кажется небесным огнем, кровь которых с радостью проливается в битвах и которые хладнокровно идут навстречу опасностям и самой смерти⁷⁴.

Отметим, что отождествление отечества со свободой — весьма распространенная парадигма Просвещения и впоследствии либерализма; о том, что нет отечества без свобод, говорили, в частности, Поль Анри Гольбах, Томас Джефферсон и Франсуа Рене де Шатобриан. Так что в данном случае Сен-Жюст умышленно или невольно повторяет мысль своих учителей и современников. Впоследствии отождествление патриотизма с освобождением от угнетения и борьбой за гражданские права неоднократно становилось руководящей идеей для французов в период великих потрясений, например Франко-прусской войны 1870 года и Парижской коммуны, во время Второй мировой войны и деятельности Сопротивления⁷⁵.

Далее Сен-Жюст указывает на мессианскую роль Франции как страны, несущей в ходе революционной войны освобождение угнетенным народам Европы:

Французский народ никогда не утратит своей доброй славы: след, оставленный свободой и гением народа, не изгладится в мире. Народ, живший в угнетении, он оставляет после себя угнетенными предрассудки и тиранов⁷⁶.

Если бы Сен-Жюст мог предвидеть, что эту идею разовьют наполеоновские войны, откровенно захватнические по сути своей...

В любом случае патриотическая риторика Сен-Жюста явно направлена на две цели: практическую (сплочение нации перед общей опасностью и воодушевление солдат республиканской армии) и национально-идеологическую (формирование в сознании французского народа неразделимости отечества и свобод, создание образа отечества-закона в противовес характерного, по его мнению, образа отечества-государя в период абсолютизма).

74. Там же. С. 242.

75. Подробнее об этом см.: *Гордон А. В.* Историческая традиция Франции. М.: Контент-Пресс, 2013.

76. *Сен-Жюст Л. А.* Указ. соч. С. 152.

Размышления Сен-Жюста о нравственных характеристиках безупречного индивида и гражданина в обновленном обществе подводят нас к вопросу о том, какими качествами должен обладать совершенный создатель и руководитель такого общества — революционер. Бесспорно, ответ нетрудно сформулировать, резюмируя все уже перечисленные идейные стереотипы Сен-Жюста. Однако портрет революционера рисует сам Сен-Жюст, наделяя его определенными психологическими и поведенческими особенностями:

Революционер непреклонен; но он рассудителен, воздержан, прост без ложной скромности; он непримиримый враг всякого обмана, всякой снисходительности, всякого притворства. Поскольку он стремится увидеть торжество революции, он никогда ее не порицает, но осуждает ее врагов... революционер исполнен чести... его совесть спокойна... революционер неумолим к злодеям, но он чувствителен... он преследует виновных и защищает невинных перед судом; он говорит правду без поучения и не для того чтобы оскорбить... он знает, что для упрочения революции нужно быть столь же добрым, сколь некогда были злыми... революционер — это герой здравого смысла и честности⁷⁷.

Слова эти заставляют вспомнить один из ярчайших и провокационных манифестов — «Катехизис революционера» Сергея Нечаева. Разумеется, сравнение текстов двух авторов — задача, требующая отдельного углубленного и масштабного исследования; однако в рамках данной статьи нас интересует построение некоторых архетипов сознания и поведения революционера, которые оказались достаточно живучими и прошли сквозь время. Примечательно то, что оба автора лаконично и весьма ясно рисуют характер революционера и план его деятельности. Поэтому оба текста имеют характер заповедей-манифестов.

Нечаев, как и Сен-Жюст, часто говорит о суровости и ставит ее в ряд важнейших революционных добродетелей («Суровый для себя, он должен быть суровым и для других»). Общая цель революционера у двух авторов вполне понятна, хотя у Сен-Жюста она заявлена не столь откровенно: самоотречение и беспощадность к врагам во имя революции. Популярное слова Сен-Жюста, служившие лозунгом для многих радикальных движений, прежде всего всех революций во Франции вплоть до студенческих волнений мая 1968 года:

77. Там же. С. 159.

Тот, кто делает революцию наполовину, роет себе могилу.

Не менее знаменитое нечаевское изречение гласит:

Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией⁷⁸.

Суровость, последовательность, дисциплина, отсутствие всякой снисходительности к врагам — вот провозглашенные качества революционера, ставшие практически архетипом. Оба мыслителя призывают отречься от личных интересов во имя общей задачи победы революции. «...всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции»⁷⁹, — пишет Нечаев.

Однако бросаются в глаза и различия структуры мышления двух авторов. Сен-Жюст уповает на такие качества, как скромность, честность, совесть, разум, чувствительность. Для него личные добродетели означают торжество революции — безнравственный человек не может быть достойным гражданином, революционные политические добродетели начинаются с личных. Нечаев же разграничивает личное и общественное: для успеха своего дела революционер отказывается от нравственных истин, понятий и традиций, он — машина для создания общества будущего, машина разрушения, «все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела»⁸⁰, ибо конечная цель его — «беспощадное разрушение».

Революционер, таким образом, находится вне общества и превышает его добродетелей, он преследует лишь политический интерес. Сен-Жюст, напротив, уверен, что революционер должен наставить, наставить общество, дать ему пример добродетели и морали, развить эти качества в гражданах. Нечаев неоднократно говорит о тотальном разрушении мира прошлого, однако умалчивает о созидании, конструировании нового идеального мира, делая упор именно на разрушении. Сен-Жюст также говорит о разрушении — в контексте избавления французского народа от тирании, угнетения, монархии и врагов республики. Но если манифест

78. Нечаев С. Катехизис революционера // Родина. 1990. № 2. С. 82.

79. Там же.

80. Там же. С. 83.

Нечаева направлен на разрушение, то речи Сен-Жюста воспринимают разрушение лишь как ступень к великому созиданию; его цель — общество будущего, торжество республики.

Нечаев изложил программу разрушения, в то время как Сен-Жюст представил программу построения нового мира, причем не умозрительно-иллюзорную, но вполне прагматичную, с выразительными и точными формулировками. Проект Нечаева — это организация революционной группы-ячейки, нацеленной на подрыв устоев общества. Катехизис революционера Сен-Жюста — это хорошо продуманный план тотального переустройства государственной системы и общества, основанный на наборе определенных методов действия, а также качеств, которыми должен обладать революционер для успешного осуществления задачи и которые должны быть присущи преданному республике гражданину.

Главная характеристика мировоззрения революционера согласно Сен-Жюсту — это поляризация окружающей действительности и самой риторики деятеля. Старое противопоставлено новому не только в плане формы власти (абсолютизм против республики), но и социальных и нравственных отношений, личных качеств людей, стратегии руководителей государства, моральных ориентиров и ценностей граждан-индивидов. Логика его мышления — это противопоставление: республика — тирания, защитник республики — враг, развращенность — скромность, суровость — снисходительность. Понятие врага является фундаментальным в его картине мира: враг — это не конкретный индивид, заговорщик-контрреволюционер, а символ всего зла старого мира, все те общественные и нравственные черты, которые революция желает уничтожить. Вышеназванные представления и обусловили черно-белую картину мира революционера. Чтобы воплотить свои идеалы в настоящем и будущем, необходимо тотальное уничтожение прошлого.

В качестве моста между новым и старым мирами выступает террор. Мы не встречаем в словах Сен-Жюста его восхваления: большой ошибкой ряда историков XIX века было приписывание ему создания целой идейной системы террора. На самом деле террор для Сен-Жюста — это не столько мировоззренческий архетип, сколько практический инструмент уничтожения старых порядков и установления новых, вынужденная временная мера, хирургическое вмешательство ради устранения опасного заболевания общественного организма. Идеологии террора как таковой у Сен-Жюста нет; есть лишь его практика. Она выражена как раз в виде часто используемого Сен-Жюстом поня-

тия о «диктатуре справедливости», то есть о принуждении граждан к жизни по новым, «справедливым» законам. Но диктатура здесь — не форма власти, не тирания, а инструмент политического просвещения общества, это всего лишь доктрина о господстве закона и равенстве всех перед ним.

Гораздо более существенную роль играют те нравственные и поведенческие стереотипы, которыми Сен-Жюст наделяет врагов революции и преданных ей граждан. Ключевым из них является снисходительность. Ее отрицание представляется основой революционного мышления и деятельности: снисходительность — это преступление, ибо она подразумевает компромисс с врагом, некий третий путь, лазейку между непримиримыми противоположностями; в революционной логике, как раз основанной на противопоставлении и поляризации, попытки соединить их неприемлемы. Снисходительность и родственные ей милосердие и сострадание переведены из разряда добродетелей в разряд преступлений: Сен-Жюст распространяет их исключительно на отношение к врагу, при этом умалчивая о возможности проявления таких качеств к соратникам. Таким образом, снисходительность выступает как угроза всей революционной логике и тактике: она допускает примирение, в то время как постреволюционный мир должен строиться на тотальном очищении и отрицании прошлого.

Еще один важнейший архетип, он же залог успеха революционной тактики, — это отказ от личного интереса в политических делах. Революционер жертвует собой ради общества, именно поэтому врагами революции являются партии-фракции и честолюбие. Революционер-политик — не носитель власти (ибо источник власти — народ), а труженик, на котором лежит все бремя ответственности перед гражданами. Власть при республике — это труд, самоотречение и ответственность: вот что отличает ее от власти монархической.

Яркой чертой мировоззрения Сен-Жюста является идея взаимной зависимости личных и гражданских качеств. Он не разграничивает эти два пространства — напротив, как мы убедились, в его представлении личная добродетель предполагает также и политическую. Безнравственный, порочный, эгоистичный и завистливый человек не станет добросовестным и честным гражданином, изъяны индивида непременно отразятся на общественных делах. Потому революционер — не столько профессия или род деятельности, сколько комплекс нравственных качеств, которые должны стать примером для граждан; революционер —

это своего рода пастырь, наставник. Помимо общей идеологической «правильности» граждан он отвечает и за их нравственный облик. Бесспорно, перед нами возникает совершенно новый образ политика: не макиавеллиевский манипулятор, но некий «нравственный гражданин», который за основу своей деятельности берет понятия о личных добродетелях.

В речах Сен-Жюста разворачивается проект нового общества и нового человека. Сен-Жюст мыслит в будущем времени: настоящее для него — это борьба с врагами республики и искоренение пороков в душах и социуме. О мире, дружбе, добродетели, законах и справедливости, о торжестве всех этих идеалов он говорит лишь применительно к будущему, обращаясь к гражданам с призывом: боритесь, уничтожьте, будьте, стремитесь, желайте! Великое будущее — вот оправдание скорбного и тяжелого настоящего. Практика террора, идея врага и отрицание снисходительности, сам набор революционных законов и добродетелей — все это имеет одну цель: внушить гражданам отвращение к прошлому и направить их помыслы и деятельность на сотворение будущего. Революционер — это создатель, конструктор. Он не просто руководит массами и занят урегулированием ситуации в текущий момент — он составляет программу, формирует принципы грядущего обновленного общества. И Сен-Жюст стал, возможно, первым из государственных деятелей Нового времени, кто соединил в образе политика нравственность, прагматизм руководителя и обладание высоким временным горизонтом. «Катехизис революционера» — это одновременно и революционное «Политическое завещание».

Литература

- Abensour M. Saint-Just and the Problem of Heroism in the French Revolution // *The French Revolution and the Birth of Modernity* / F. Ferenc (ed.). Berkeley: University of California Press, 1990. P. 187–211.
- Aegerter E. *La vie de Saint-Just*. P.: Gallimard, 1929.
- Bruun G. *Saint-Just, Apostle of the Terror*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin, 1932.
- Curtis E. N. *Saint-Just, Colleague of Robespierre*. N.Y.: Octagon Books, 1973.
- Derocles P. *Saint-Just, ses idées politiques et sociales*. P.: Editions sociales internationales, 1937.
- Fleury E. *Saint-Just et la terreur*. P.: Didier, 1852.
- Furet F. *Penser la révolution française*. P.: Gallimard, 1978.
- Furet F., Ozouf M. *Dictionnaire critique de la révolution française*. P.: Flammarion, 1988.
- Gross J. P. *Saint-Just: sa politique et ses missions*. P.: Bibliothèque nationale, 1976.
- Hamel E. *Histoire de Saint-Just, député à la Convention nationale*. P.: Poulet-Malassis et de Broise, 1859.
- Hampson N. *Saint-Just*. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

- Kermina F. Saint-Just. La revolution aux mains d'un jeune homme. P.: Perrin, 1982.
- Morton J. B. Saint-Just. L.: Longmans, 1939.
- Ollivier A. Saint-Just et la force des choses. P.: Gallimard, 1954.
- Saint-Just L. A. Discours et rapports. P.: Editions sociales, 1956.
- Saint-Just L. A. Oeuvres complets. V. 1–2. P.: Charpentier et Fasquelle, 1908.
- Soboul A. Portraits de revolutionnaires. P.: Messidor, 1986.
- Vinot B. Saint-Just. P.: Grand livre du mois, 2002.
- Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция. М.: Baltrus, 2006.
- Генифе П. Французская революция и террор // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 68–87.
- Гордон А. В. Историческая традиция Франции. М.: Контент-Пресс, 2013.
- Захер Я. М. Сен-Жюст. Жизнь, деятельность, идеология. Пг.: Госиздат, 1922.
- Кареев Н. И. О Сен-Жюсте // Исторические этюды о французской революции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. С. 246–249.
- Морщикина Л. А. Утопия здравого смысла. «Фрагменты республиканских установлений» Луи Антуана Сен-Жюста // Опыт историко-антропологических исследований. Сборник научных работ студентов и аспирантов. 2001. М.: РУДН, 2002. С. 32–34.
- Нечаев С. Катехизис революционера // Родина. 1990. № 2. С. 82–83.
- Олар А. Политическая история французской революции. М.: Издательство С. Скирмунта, 1902.
- Плавинская Н. Ю. Сен-Жюст и Монтескье // Из истории буржуазных революций Нового времени. М.: Изд-во Ин-та всеобщей истории АН СССР, 1985. С. 63–78.
- Пушкарев А. С., Злобина Г. В. Речи и трактаты Луи Антуана Сен-Жюста как исторический источник для изучения субъективного фактора Великой французской революции // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Ч. 2: Проблемы источниковедения новой и новейшей истории / Отв. ред. Н. Н. Болгов, А. С. Пушкарев. Белгород: Издательство БелГУ, 2002. С. 3–11.
- Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995.
- Смирнова Е. В. Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М.: РГГУ, 2002.
- Филимонова М. А. Сен-Жюст как архетип революционера в европейской культуре // Культура. Образование. Человек / Под ред. А. В. Репринцева. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2003. С. 423–433.
- Черноверская Т. А. Жизнь и деятельность Луи-Антуана Сен-Жюста // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 141–165.
- Черноверская Т. А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста // Французский ежегодник 1987. М.: Наука, 1989. С. 16–29.
- Черноверская Т. А. Как человек становится революционером: формирование и эволюция мировоззрения Сен-Жюста. Новосибирск: НГУЭУ, 2005.
- Черноверская Т. А. Первый опыт осмысления происходящего: «Дух революции и конституции во Франции» Луи Антуана Сен-Жюста // Европа: международный альманах. Вып. 2. Тюмень: ТюмГУ, 2002. С. 148–159.
- Чупрун Н. И. Сен-Жюст, его революционная деятельность и идеология. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1955.

Power of Will or Power of Circumstances? Louis Antoine de Saint-Just and an Archetypes of a Revolutionary's Mindset

Maria Uvarova. PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Geography of Foreign States of the Moscow State Linguistic University. Address: 36 Ostozhenka str., 119034 Moscow, Russia. E-mail: uvarovamaria82@gmail.com.

Keywords: French revolution; terror; montagnards; revolutionary thinking; dictatorship of justice.

The article focuses on the problem of archetypes of a revolutionary's mind. The French Revolution became a phenomenon concerning not only socio-political structures, but also moral values and ideas. It formed a new type of individual and new ways of thinking. Louis Antoine Saint-Just, one of the most prominent revolutionary leaders, has been chosen as an example of such thinking. Neither Russian nor French historiography schools have considered him to be a revolutionary archetype, preferring instead to concentrate on his political ideas, which followed the general paradigm of the Enlightenment. The author argues that it would be much more fruitful to study the phenomenon of a revolutionary's thought based on historical and philosophical analysis, and to analyze a

revolutionary's psychological «type» on the basis of the example of Saint-Just.

Such an archetype may be applied to the revolutionaries of the following epochs. The author points out that the ideas of Saint-Just can be compared to Sergey Nechaev's famed "Revolutionary's catechism." His speeches and treatises reflect a revolutionary's moral foundations, his views of individual and social virtues and ideals, his vision of a new society in which an individual's moral characteristics play the leading role and where morality influences his political behaviour. The peculiarity of a revolutionary's thinking is the polarization of reality, dividing it into an enemy and a devoted citizen, the denial of any compromise and looking towards the future. The author stresses that such stereotypes of a revolutionary's logic are the creation of the image of a foe, the notion of the dictatorship of justice, a peculiar vision of indulgence not as an act of compassion, but as a crime aimed to excuse a traitor of the republic. Saint-Just formed a clear and pragmatic plan for the conversion of society and defined the behavioral and moral traits of the type of individual that should dominate this society.

References

- Abensour M. Saint-Just and the Problem of Heroism in the French Revolution. *The French Revolution and the Birth of Modernity* (ed. F. Ferenc), Berkeley, University of California Press, 1990, P. 187–211.
- Aegerter E. *La vie de Saint-Just*, Paris, Gallimard, 1929.
- Aulard A. *Politicheskaia istoriia frantsuzskoi revoliutsii* [Histoire politique de la Révolution française], Moscow, Izdanie S. Skirmunta, 1902.
- Bachko B. *Kak vyiti iz terrora? Termidor i revoliutsiia* [How to Break off the Reign of Terror? Thermidor and Revolution], Moscow, Baltrus, 2006.
- Bruun G. *Saint-Just, Apostle of the Terror*, Boston, New York, Houghton Mifflin, 1932.
- Chernoverskaia T. A. K voprosu ob evoliutsii mirovozzreniia Sen-Zhiusta [About the Evolution of Saint-Just's World View]. *Frantsuzskii ezhegodnik 1987* [French Annual 1987], Moscow, Nauka, 1989, P. 16–29.

- Chernoverskaia T. A. *Kak chelovek stanovitsia revoliutsionerom: formirovanie i evoliutsiia mirovozzreniia Sen-Zhiusta* [How Man Became a Revolutionary: Formation and Evolution of Saint-Just's World View], Novosibirsk, NGUEU, 2005.
- Chernoverskaia T. A. Pervyi opyt osmysleniia proiskhodiashchego: «Dukh revoliutsii i konstitutsii vo Frantsii» Lui Antuana Sen-Zhiusta [First Attempt at Understanding Events: Louis Antoine de Saint-Just's "The Spirit of the Revolution and the Constitution of France"]. *Evropa: mezhdunarodnyi al'manakh. Vyp. 2* [Europe: International Almanac. Iss. 2], Tyumen: TiumGU, 2002, P. 148–159.
- Chernoverskaia T. A. Zhizn' i deiatel'nost' Lui-Antuana Sen-Zhiusta [Life and Activity of Louis Antoine de Saint-Just]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History], 2002, no. 6, P. 141–165.
- Chuprun N. I. *Sen-Zhiust, ego revoliutsionnaia deiatel'nost' i ideologiya* [Saint-Just, His Revolutionary Activity and Ideology]. PhD thesis, Kharkiv, 1955.
- Curtis E. N. *Saint-Just, Colleague of Robespierre*, New York, Octagon Books, 1973.
- Derocles P. *Saint-Just, ses idées politiques et sociales*, Paris, Editions sociales internationales, 1937.
- Filimonova M. A. Sen-Zhiust kak arkhetyip revoliutsionera v evropeiskoi kul'ture [Saint-Just as the Archetype of a Revolutionary in European Culture]. *Kul'tura. Obrazovanie. Chelovek* [Culture. Education. Man] (ed. A. V. Reprintsev), Kursk, Izd-vo Kurskogo gos. un-ta, 2003, P. 423–433.
- Fleury E. *Saint-Just et la terreur*, Paris, Didier, 1852.
- Furet F. *Penser la révolution française*, Paris, Gallimard, 1978.
- Furet F., Ozouf M. *Dictionnaire critique de la révolution française*, Paris, Flammarion, 1988.
- Gordon A. V. *Istoricheskaia traditsiia Frantsii* [French Historical Tradition], Moscow, Kontent-Press, 2013.
- Gross J. P. *Saint-Just: sa politique et ses missions*, Paris, Bibliothèque nationale, 1976.
- Gueniffey P. Frantsuzskaia revoliutsiia i terror [French Revolution and Reign of Terror]. *Frantsuzskii ezhegodnik 2000: 200 let Frantsuzskoi revoliutsii 1789–1799 gg.: Itogi iubileia* [French Annual 2000: 200 Years Jubilee of French Revolution 1789–1799: Results], Moscow, Editorial URSS, 2000, P. 68–87.
- Hamel E. *Histoire de Saint-Just, député à la Convention nationale*, Paris, Poulet-Malassis et de Broise, 1859.
- Hampson N. *Saint-Just*, Oxford, Basil Blackwell, 1991.
- Kareev N. I. *O Sen-Zhiuste. Istoricheskie etyudy o frantsuzskoi revoliutsii* [About Saint-Just. Historical Essays on French Revolution], Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, 1998, P. 246–249.
- Kermina F. *Saint-Just. La révolution aux mains d'un jeune homme*, Paris, Perrin, 1982.
- Morshchikhina L. A. Utopiia zdavogo smysla. "Fragmenty respublikanskikh ustanovlenii" Lui Antuana Sen-Zhiusta [Common Sense Utopia. Louis Antoine de Saint-Just's "Fragments on Republican Institutions"]. *Opyty istoriko-antropologicheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh rabot studentov i aspirantov. 2001* [Historical and Anthropological Research. Collection of Students' and Postgraduates' Studies], Moscow, RUDN, 2002, P. 32–34.
- Morton J. B. *Saint-Just*, London, Longmans, 1939.
- Nechayev S. Katekhizis revoliutsionera [Catechism of a Revolutionary]. *Rodina* [Homeland], 1990, no. 2, P. 82–83.
- Ollivier A. *Saint-Just et la force des choses*, Paris, Gallimard, 1954.

- Plavinskaia N. Iu. Sen-Zhiust i Montesk'e [Saint-Just and Montesquieu]. *Iz istorii burzhuaznykh revoliutsii Novogo vremeni* [From the History of Bourgeois Revolutions in Modern Age], Moscow, Izd-vo In-ta vseobshchei istorii AN SSSR, 1985, P. 63–78.
- Pushkarev A. S., Zlobina G. V. Rechi i traktaty Lui Antuana Sen-Zhiusta kak istoricheskii istochnik dlia izucheniia subektivnogo faktora velikoi frantsuzskoi revoliutsii [Speeches and Treatises of Louis Antoine de Saint-Just as a Historical Source for Study of Subjective Factor in Great French Revolution]. *Problemy istochnikovedeniia vseobshchei istorii. Ch. 2: Problemy istochnikovedeniia novoi i noveishei istorii* [Problems of Source Studies in Universal History. Part 2: Problem of Source Studies in Modern and Contemporary History] (eds N. N. Bolgov, A. S. Pushkarev), Belgorod, Izdatel'stvo BelGU, 2002, P. 3–11.
- Saint-Just L. A. *Discours et rapports*, Paris, Editions sociales, 1956.
- Saint-Just L. A. *Oeuvres complètes. V. 1–2*, Paris, Charpentier et Fasquelle, 1908.
- Saint-Just L. A. *Rechi. Traktaty* [Speeches. Treatises], Saint Petersburg, Nauka, 1995.
- Smirnova E. V. *Sen-Zhiust: pragmatizm protiv utopii* [Saint-Just: Pragmatism against Utopia], Moscow, RGGU, 2002.
- Soboul A. *Portraits de revolutionnaires*, Paris, Messidor, 1986.
- Vinot B. *Saint-Just*, Paris, Grand livre du mois, 2002.
- Zakher Ia. M. *Sen-Zhiust. Zhizn', deiatel'nost', ideologiya* [Saint-Just. Life, Activity, Ideology], Petrograd, Gosizdat, 1922.